

178

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ II

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР

"31" мая 1991 г.
№ 1558

119034, Москва, Чистый, 5

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
Б. Н. Е Л Ь Ц И Н У

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Ознакомившись с проектом постановления "О возвращении верующим имущества религиозного назначения", считаю принятие такого акта весьма важным и своевременным. Подобное решение несомненно будет воспринято с большим удовлетворением не только верующими гражданами России, но и большинством нашего общества. Известно, что многие представители творческой интеллигенции, ученые, народные депутаты - неоднократно высказывались за разрешение этой давно назревшей проблемы. По моему мнению, проект отвечает позиции справедливости, здравого смысла и уважительного отношения к правам религиозных объединений и верующих граждан. Давно пора вернуть по принадлежности и назначению церковные здания и помещения, занятые ныне под склады, мастерские, конторы и кооперативные развлекательные заведения. Реализация постановления будет служить авторитету государственной власти, станет еще одним свидетельством процесса демократических преобразований в России, станет способствовать развитию церковной благотворительности, милосердия и обретению духовности.

№ 07435

Русская Православная Церковь и так же, полагаю, и другие религиозные объединения - будут надеяться на скорое принятие названного акта и его последующую реализацию.

Рассмотрение проекта постановления делает необходимым сообщить некоторые предложения, относящиеся к его содержанию.

В названии постановления следует указать о возвращении имущества религиозным организациям, а не только верующим. В статье 4-й надо обозначить правопреемство в отношении имущества в соответствии с уставами (положениями) религиозных объединений. В статье 5-й следует предусмотреть обязанность местных государственных органов обеспечивать жилой площадью граждан при их переселении из помещений, передаваемых религиозным организациям, исключив при этом выселение в административном порядке. В статье 9-й в дополнение к признанию указанных в ней средств благотворительными должно быть указано и на освобождение этих расходов от налогообложения.

Глубоко убежден, что принятие государственной властью России решения о возвращении религиозным организациям, верующим гражданам имущества, которое по праву и своему назначению должно им принадлежать, будет иметь положительное историческое значение, как мера духовности в жизни общества и нормализации отношений Церкви и государства.

С глубоким уважением

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
народный депутат СССР

01.E3R1996* 07435

195
180

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного Совета РСФСР
"О возвращении верующим имущества религиозного назначения"

В исполнение и в развитие статьи 26 Закона РСФСР "о свободе вероисповеданий", статьи 19 Закона РСФСР "о собственности", п.5 Постановления Верховного Совета РСФСР "О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР" от 25 декабря 1991 года, а также в согласии со статьями 17 и 18 Закона СССР "О свободе совести и религиозных организациях",

уважая права и религиозные чувства верующих,
восстанавливая историческую справедливость в отношении собственности на здания и предметы религиозного назначения,

Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

1. Передать в собственность религиозным объединениям здания (с прилегающими территориями), строения, предметы культа и иное имущество, образованное специально для осуществления верующими их культовых, религиозно-просветительских и благотворительных целей. Право на получение в собственность указанного имущества имеют религиозные объединения (юридические лица) соответствующего вероисповедания, в пользовании которых или в регионе уставной деятельности которых находилось указанное имущество на момент подачи ими заявления-ходатайства. Правомочия религиозных объединений на указанное имущество подтверждаются Министерством юстиции

*Жаботинский
Серг. - Емф.
Указ - инк
Наз. зад.
- уведомит.
Григорьев
Мин. юр.
Мин. юр.
Мин. юр.*

157
181

2.

РСФСР или его органами на местах. Споры о правопреемстве на указанную собственность разрешаются в судебном порядке. Вопросы непосредственного ведения собственности решаются на основании уставов (положений) религиозных объединений.

2. Заявление-ходатайство с соответствующим заключением органов Министерства юстиции РСФСР подается на имя руководителя органа, на балансе которого находится указанное имущество. В течение одного месяца (для зарегистрированных памятников истории, культуры и архитектуры - трех месяцев) со дня подачи заявления-ходатайства руководитель указанного органа, или лицо, его замещающее, письменно уведомляет ходатая о принятом решении передать вышеуказанное имущество в собственность религиозного объединения. в случае отказа либо нарушения срока уведомления религиозное объединение вправе передать рассмотрение этого вопроса в судебные органы.

3. Передача религиозным объединениям имущества религиозного назначения осуществляется безвозмездно. Компенсация понесенных затрат прежним собственникам осуществляется за счет республиканского бюджета. Помещения для организаций, освобождающих здания, предназначенные специально для религиозных целей, предоставляются по решению местных органов власти.

4. При неиспользовании религиозным объединением переданного государством имущества культового назначения по указанному назначению, равно как и при утере религиозным объединением статуса юридического лица, указанное имущество в судебном порядке подлежит отчуждению и передаче иным собственникам или пользователям, имеющим на это соответствующие полномочия.

5. Установить предельные сроки для фактической передачи собственниками и пользователями указанного имущества в собственность религиозным объединениям, начиная со дня подачи ими заявления-ходатайства с подтверждением о полномочиях на имущество:

- для зданий с (прилегающими территориями), строений, предметов культа, литературы и иного имущества,

198
182

3.

находящегося в пользовании соответствующих объединений, а равно и не используемого, не являющегося памятниками союзного и республиканского значения - 3 месяца;

- для зданий с (прилегающими территориями), строений, предметов культа, литературы и иного имущества религиозного назначения, являющегося памятниками истории, культуры и архитектуры союзного и республиканского значения, но не используемых в научных и культурно-просветительских целях, - 6 месяцев;

- для зданий (с прилегающей территорией), строений, предметов культа, литературы и иного имущества, используемого в научных и культурно-просветительских целях - 2 года;

- для зданий, используемых под жилье - 5 лет;

- для имущества религиозного назначения, используемого в иных целях - 1 год.

Организации и граждане, занимающие здания религиозного назначения сверх установленного срока, подлежат выселению в административном порядке.

6. Совету Министров РСФСР до 1 октября 1991 г. утвердить единое Положение о порядке сохранения зданий, строений, предметов, литературы и иного имущества религиозного назначения, находящегося в собственности религиозных объединений и одновременно являющихся зарегистрированными памятниками истории, культуры и архитектуры.

7. Министерству культуры РСФСР совместно с Комиссиями по культуре и Комитетом по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности Верховного Совета РСФСР и с участием заинтересованных сторон подготовить и представить до 15 сентября 1991 г. Президенту РСФСР перечень зданий, предметов, собраний, коллекций и иного имущества религиозного назначения, подпадающего под действие законодательных актов об охране и использовании памятников истории, культуры и архитектуры, имеющих уникальную общегосударственную ценность и нуждающихся в особых условиях сохранения. Президент РСФСР вправе принять решение о передаче

4.

указанного имущества религиозным объединениям в ограниченное, бессрочное и безвозмездное пользование.

8. Установить административную ответственность должностных лиц за следующие нарушения настоящего Постановления:

- отказ в принятии заявления-ходатайства о передаче здания и иного имущества религиозного назначения, а также нарушение сроков письменного уведомления религиозного объединения о решении передать ему в собственность указанное имущество, наказывается штрафом от пятисот до одной тысячи рублей;

- нарушение сроков фактической передачи религиозным объединениям указанного имущества наказывается штрафом от пятисот до одной тысячи рублей. Помимо этого, сумма штрафа увеличивается на пятьдесят рублей за каждый просроченный рабочий день.

Производство по делам о нарушениях, предусмотренных настоящим Постановлением, возбуждается и проводится работниками прокуратуры РСФСР по заявлению (жалобе) религиозного объединения (юридического лица), народного депутата или граждан. Дела о указанных правонарушениях рассматриваются судьей единолично. Порядок и сроки рассмотрения дел о указанных правонарушениях, регламентируются Кодексом РСФСР об административных правонарушениях.

9. Считать благотворительными средства, перечисляемые государственными и общественными организациями и гражданами на восстановление памятников истории, культуры и архитектуры религиозного назначения, находящимися в собственности религиозных объединений.

Председатель Верховного Совета РСФСР

200
184

ПАТРИАРХ И ПОЛИТИКИ

Сегодняшнюю религиозную ситуацию в России можно сравнить с положением в некоей стране, где в течение 70 лет за любую попытку приблизиться к естественному или искусственному водоему стреляли без предупреждения... А затем объявили чемпионат по плаванию.

Атрофия или одичание религиозного сознания сказываются, в частности, в том, что отношение к Церкви у самых разных политических сил однобоко-утилитарно; все хотят видеть в Церкви не партнера, даже не помощника - а послушного "субподрядчика" в тех "перестройках", которые кажутся желательными тем или иным политическим движениям. В этих условиях главным содержанием политической позиции Церкви, той стороны ее деятельности, которая имеет непосредственную общественно-значимую направленность, становится б о р ь б а Ц е р к в и з а с в о ю н е з а в и с и м о с т ь. Чтобы раскрыть смысл этого стояния за достоинство Церкви и за право быть христианином без дальнейших оговорок, т.е. не "христиан-демократом", "христиан-фундаменталистом" и т.п.) - нужно рассмотреть взаимоотношения Церкви и трех основных сил современной общественной ситуации: государственных структур, демократических движений и патриотических объединений.

ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ И ОТНОШЕНИЕ
ЦЕРКВИ К ГОСУДАРСТВУ

"Независимая газета" (А. Бойцов. Пересвет. Православная идеология и социалистический выбор. - 5.02.91) так видит сегодняшнюю ситуацию: "Патриархия срочно ищет новую внешнюю силу (для опоры). Такая сила нашлась: фундаменталистский "патриотическо-коммунистический альянс".

Реален ли этот "альянс", можно ли всерьез говорить о "симфонии" Патриарха с советским государством?

Прежде всего необходимо всерьез осмыслить процесс деидеологизации государственных структур. Проявление государством терпимости к Православию, предоставление Церкви некоторого пространства в жизни людей (а его величину государство пока стремится определять самостоятельно, - и скупно) может осуждаться лишь теми, чей религиозный максимализм, чуждающийся любого соприкосновения с миром реальной человеческой и общественной жизни, вряд ли может быть обоснован в рамках Православия. "Государство со своей идеологией слишком вольготно разместило в жизни человека, и ему придется потесниться. (Патриарх Алексей II, "Известия" за 12.90). Разумеется, против тенденции к реализации принципа свободы совести выступают и враги всяческой терпимости, - но это их личная трагедия.

Но желает ли государство предоставить Церкви те полномочия и функции, весь спектр которых оно прежде предоставляло коммунистической идеологии? Сама постановка такого вопроса как минимум преждевременна, если вспомнить, что до сих пор государство

противится восстановлению ряда важнейших (и в правовом отношении вполне корректных) позиций Церкви. Верховный Совет СССР осенью 1990 года не принял предложения Патриарха о введении института военных капелланов и о допущении преподавателей религиозных вероучений в светские учебные заведения; при этом вариант Комитета по законодательству был изменен в сторону ужесточения на заседании Верховного Совета. Телевидение до сих пор не может найти место для постоянного религиозного телеканала, в котором нуждаются 100 миллионов православных Союза, предпочитая растворять религиозные сюжеты в развлекательных программах, и тем самым провоцируя протесты пуристов против этих сюжетов. "Союзпечать" с 1991 г. отказывается распространять издания Патриархии — "Московский церковный вестник" и "Православную беседу". Государственных дотаций на восстановление государством же разрушенных монастырей и храмов нет. Пока не предвидится выполнение пункта Постановления ВС СССР о пересмотре к 1993 г. всех учебных программ для приведения их в соответствие с законом о свободе совести, что должно означать выведение из всех учебных циклов атеистической пропаганды. Практически запретно выполнение религиозных обязанностей для военнослужащих.

Впрочем, нельзя, конечно, не отметить, что ряд обращений Патриарха по конкретным вопросам (передача храмов, монастырей, налоговая политика) к Министрам РСФСР и СССР (в т.ч. и к Д.Т. Язову) получил положительный ответ. Многие государственные деятели готовы к серьезному диалогу и партнерству с Церковью.

Но есть и иное — есть попытки опереться на авторитет Церкви для достижения сугубо партийных политических целей. Так, лидер группы "Союз" Ю. Блохин заявил в конце апреля 1991 г.,

что, "необходимо шире привлекать возможности армии и духовенства для спасения народа и Отечества". Об этом заявлении и реакции на него Патриарха еще будет речь дальше. Пока же рассмотрим, как видит отношения Церкви и государства сама Церковь, как реагирует Патриарх Алексий на попытки вовлечь его в политический альянс с государственными структурами, т.е. на государственно-партийный утилитаризм в отношении к Церкви.

Проанализируем с этой точки зрения выступления Патриарха Алексия за последние полгода (первые "сто дней" после избрания, как велит политическая традиция, критике не подлежат).

Сентябрь. Выступая в ВС СССР при обсуждении закона о свободе совести, Патриарх Алексий высказал то, что позднее было охарактеризовано прессой как философская концепция проблемы.

"Совесть свободна у каждого человека. Не каждый эту свободу рискует реализовать. Но она все же нераздельна с человеком, тяготится ли он ею или радуется ей. Эта свобода не зависит от общественно-политических условий и от законов. Точно так же от этих условий не зависит и тот факт, что всякий поступок по совести требует от человека, совершающего его, жертвы. И всякий поступок по совести вызывает ответную реакцию сил зла. Насколько же свобода совести реализуется в том или ином обществе, определяется тем, работают ли его государственные структуры на защиту людей, дерзающих жить по совести, или же государство всей своей мощью старается задавить автономию совести в людях. Функция государства в любом случае - не собственно созидательная. Государство может защитить добро, может сдерживать, осадить натиск зла. Но непосредственно взрастить добро может лишь человек."

своим личным трудом. Задача же государства и законов, касающихся свободы совести человека, — не мешать людям жить по совести" (ЖМП, 1991, № 1).

14 октября Патриарх выступает перед преподавателями и студентами Московской Духовной Академии. Его оценка духовных итогов советского периода однозначна: "Валуны язычества, казалось бы уже исчезнувшие под тысячелетним слоем Православного воспитания, оказались вновь вывороченными наружу. А плодоносящий слой жизни русского народа был срезан и предназначен к полному уничтожению". Чтобы понять суждения Патриарха, которые он выскажет позднее, в ноябре, по поводу причин катастрофы 1917 г., из этого выступления в МДА стоит выделить его слова о том, что "не все из того, что имелось в церковной жизни прошлого века, стоит возрождать сегодня: идеализация вредна. Если бы наша церковная жизнь в прошлом веке была совершенна, не было того, что с нами произошло в веке нынешнем" (ЖМП, 1991, № 1, стр. 37).

Ноябрь. 3 ноября в "Известиях" публикуется "Слово к согражданам" по поводу годовщины революции 1917 г. "Не допустите духу братоненавистия и зловоздаяния еще раз справить свой бал в России!" "Еще раз" — очевидно, означает, что "бал сатаны" уже был справлен в России в прежние годы. "Пусть Октябрь 17-го нам напомнит, что нет такой политической, национальной, культурной идеи, цена которой превышала бы цену человеческой жизни. И пусть все минувшие годы один за другим встанут в нашей совести и будут умолять нас не платить человеческими судьбами за

эксперименты и принципы политиков". Здесь явная аллюзия на "октябрьский эксперимент" и на тех, кто "не может поступаться принципами". Впрочем, Патриарх не делает акцента на вине большевиков, предлагая увидеть религиозный смысл происшедшего в те дни: "болезни, из которых выросло то горе и которые подвели Россию к той грани, нам еще долго придется осмыслять. Еще дольше многие из них нам придется изживать". Итак, 1917 г. - не извне навязанный переворот, а обострение давно зревших болезней. О некоторых из них у нас будет повод поговорить позднее.

Следующее обращение Патриарха к россиянам уже программное: в пробном номере "Российской газеты" помещается статья "Дай Бог России найти дорогу к свету". Вчитаемся.

"И сегодня в общественном сознании еще не вполне прояснилось понимание того, что такое на деле есть Церковь. Удивительно, но утилитарное отношение к Церкви сегодня возрождается таким же, каким оно было в годы, предшествовавшие слову Русской истории". Пожалуй, одна из тех "болезней", о которых было сказано в "Слове к согражданам", названа - утилитаризм. В подтверждение Патриарх приводит слова: Ю. Самарина: "Вера не палка, и в руках того, кто держит ее как палку, чтобы защитить себя и путать других, она разбивается в щепы. Вера служит только тому, кто искренне верит". Далее глава Русской Церкви продолжает: "признаком духовной и государственной трезвости является признание того, что любая государственная и общественно-политическая деятельность может выполнять лишь "полицейские функции": она должна и может ограждать зло, но она не может сама возвращать добро. Мнимы и не подлинны

206
190

даже самые искренние попытки инструментально-политического отношения к Церкви".

28 ноября 1990 г. "Литературная газета" публикует интервью с Патриархом. На вопрос, готов ли Патриарх Алексей пойти путем Святителя Патриарха Тихона, следует неожиданный ответ: "На крест не просятся, но и с креста не бегают. Если мне будет уготован путь Патриарха Тихона - я приму его". Затем вопрос - "Нет ли у Вас чувства обиды на КПСС и государство, которые долгие годы терзали Церковь?" Ответ Патриарха завершается цитатой из М. Волошина: "В пытках мы выучились молиться за палачей". И снова - "подчинение церковных интересов политическим, превращение Церкви в инструмент политики всегда является насилием над верой и Церковью, всегда ведет Церковь на Голгофу". Вновь касаясь отношения к прошлому России (а сегодня этот вопрос некоторыми движениями политически заостряется и превращается по сути в вопрос о будущем России), Патриарх противопоставляет "карловацкой" позиции "наше несогласие считать монархию единственно возможным способом устройства христианского общества".

Декабрь. Накануне четвертого съезда народных депутатов СССР Патриарх заболел. В дни его болезни "Советская Россия" публикует печально известное "письмо 53-х", украшая его подписью Патриарха, которая позднее была дезавуирована, в его интервью агентству "Франс-пресс", переданном радио "Свобода" 19 января 1991 г. О дезавуировании подписи Патриарха сообщили также "Московские новости" ("Коллекция невидимок", 17.2.91).

Но можно ли, не ссылаясь на все это, а также на неоднократные заявления сотрудников Патриархии, "объективно" установить степень знакомства и согласия Патриарха с "письмом 53-х"? Можно хотя бы по двум причинам. Первая – в письме президенту обещается, что его "поддержат Церкви: мусульманская, православная, буддистская". Патриарх – доктор богословия, и он никогда не согласился бы со столь безграмотным новообразованием, как "буддистская церковь" или "мусульманская церковь", и, приложил бы все старания для изменения этой формулировки, будь он с нею знаком. Второе – следом за публикацией письма следует выступление Патриарха в "Известиях" 30.12.1990 г., – выступление практически мгновенное, если учесть, что до этого "Известия" были заняты публикацией стенограммы Съезда). "Письмо 53-х" беспокоится о том, что "под угрозой наша высшая ценность – общественный строй, выстраданный нашим народом в испытаниях последних десятилетий". "Высшая ценность" для авторов письма, как можно понять, это социализм. Что же говорит по этому поводу Патриарх? "Нет такого общественного строя, нет государства и нет нации, которые были созданы Богом для Вечности. Но для Вечности созданы Творцом люди. И потому где же найдет христианин те весы, на которых идея или принцип временного устройства общества перевесили бы живую и вечную человеческую душу?... Человек не сводится без остатка к политике. Часто нам доводилось слышать суждения о том, что "религия – опиум народа". А я скажу, что очень часто политика – этот опиум для народа. Опьяненность политическим активизмом, жажда всех поделить на друзей и врагов, безудержная тяга искать

и найти виновных где угодно, но только не вину в себе — все это отчуждает человека от него самого, мешает понять и исполнить свое подлинное человеческое призвание на земле. И потому не приведи Господь, чтобы у нас еще раз появлялись и множились движения и партии такого типа, участие в которых, с точки зрения их членов, автоматически ставит их по ту сторону различия добра и зла и разрешает забыть о простой человеческой совести.

Я хочу напомнить, что с тех пор, когда Бог открылся людям, над привычкой государства обожествлять себя, привычкой абсолютизировать свои интересы и ставить себя выше суда Божия и человеческой совести, произнесен нравственный приговор. Есть Бог, который принес Себя в жертву ради спасения Человека, а не Государства — и, значит, государство не самобожественно".

Январь. С точки зрения церковной политики он начинается неудачно. Наспех подготовленное в недрах ОБЦС "Рождественское послание" чрезвычайно невыразительно. Самое же неудачное — в нем утверждается, что "мы живем во вдохновляющее время демократических перемен". Писалось это явно до IV Съезда, но особо страшно было вспоминать эти слова после Вильнюса. Впрочем, многие священники просто не зачитывали на Рождественской службе это "Послание" или нарочито тихо читали его политические пассажи.

Но и Патриарх еще до литовских событий, во время обретения мощей преподобного Серафима Саровского, совсем в иной тональности во всех своих проповедях постоянно подчеркивал, что преп. Серафим возвращен нам в духовное утешение и ободрение среди того мрака, в который все глубже погружается наша жизнь. "И вот

сейчас, когда мы вновь входим в скорбные годы, снова нам явлен преподобный Серафим" ("Известия" 11.1.1991 г.).

А через день - Вильнюс, и реакция Патриарха: "Со всей определенностью должен сказать - использование вооруженной силы в Литве является большой политической ошибкой, на церковном языке - грехом" ("Известия" 15.1.1991 г.).

Впервые со времен святителя Тихона Российский Патриарх высил свой голос, чтобы осудить насилие, творимое в его стране ее властями.

В чем причина вильнюсской трагедии? "Это - неизменное искушение и вековая болезнь государственности: государство свои интересы склонно автоматически отождествлять с интересами людей, а под "государственными интересами" склонно понимать прежде всего удобство и легкость в управлении... Я от всего сердца прошу литовцев не держать в душах зла и по-христиански простить боль, причиненную им... На многие годы в отношениях русского и литовского народов легла еще одна рана. И неужели прав сказавший: "Мы рушим на века, и строим лишь на годы"?"

11 января в "Советской России" появляется ответ Патриарха на открытое письмо, опубликованное ранее в этой газете. В письме было требование лишить о. Глеба Якунина священнического сана на том основании, что его депутатская деятельность кажется авторам письма нехристианской. Патриарх отвечает: "В Православной Церкви не принято лишать священнослужителей сана по политическим мотивам..." И затем - ссылка на "Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917-1918 гг., нормы которого мы стараемся сейчас возрождать". Для человека, знакомого с деяниями этого Собора, ясна вся важность этого заявления Патриарха Алексия.

Февраль. Разгорается пожар в Осетии. "Комсомольская правда" публикует статью с искаженным переводом "Особого приказа Патриарха Илии". По тексту "Комсомольской правды" грузинский Патриарх Илия постановил "убийцу всякого грузина считать врагом грузинского народа". По разъяснению же грузинской Патриархии и мнению лингвистов, текст гласил, что "всякий грузин-убийца объявляется врагом народа" (см. об этом "Московский Церковный Вестник", № 5). Письмо Патриарха Алексия в редакцию "Комсомольской правды" по этому поводу заканчивается так: "Были времена, когда долгом Патриарха было говорить горькие слова в лицо правителям, теперь, кажется, приходят времена, когда еще более горькие слова надо говорить в лицо своему народу". ("Комсомольская правда", 5.02.91 г.).

К грузинской теме Патриарх Алексей в феврале был вынужден обратиться еще раз - с особым "Словом к верующим Грузии" ("Известия" от 22.02.91 г.). К этому слову, а также к более подробному анализу его выступления 5 февраля мы вернемся позднее, когда будем анализировать отношение Патриарха к различным - "демократическим" и "национальным" - движениям. В той же связи мы рассмотрим и единственное опубликованное на сегодня публичное выступление Патриарха в марте - его слово в Неделю Торжества Православия.

Апрель. Интервью в "Комсомольской правде" опубликовано в Великую Субботу 6 апреля. К теме отношения Церкви и государства относится следующий пассаж, с которого и начинается беседа: "К сожалению, часто считают, что задачи Церкви находятся в одном контексте с задачами политических партий. Поэтому неиз-

217
195

12

бежны и неизживаемы конфликты между Церковью и государством, Церковью и властью. Они были всегда. С самого начала Церкви приходилось платить кровью своих мучеников за право жить без постоянной оглядки, "направо" и "налево".

На вопрос о том, не было ли попыток со стороны государства втянуть Церковь в прибалтийский конфликт, Патриарх Алексей, кроме своего январского выступления по Литве, напоминает о сделанном в мае прошлого года заявлении Конференции Европейских Церквей, президентом которой он является уже многие годы, в котором говорилось: "мы молимся о том, чтобы народы Балтики достигли самоопределения мирными законными средствами".

В ответ на вопрос о его отношении к референдуму о будущем СССР Патриарх отвечает практически теми же словами, что и в мартовском заявлении Глав Церквей и религиозных объединений Советского Союза, из чего следует, что то заявление отразило в первую очередь именно позицию Патриарха. Возможно, что сама идея встречи родилась в государственных верхах. Патриарх на эту встречу согласился. Но показательно иное. На самой встрече (о которой давно просили мусульманские и иудейские священнослужители) речь шла не о референдуме и будущем Союза, а о сложностях собственно межрелигиозных и межнациональных отношений и о том, как избежать роста межнациональной напряженности на религиозной основе. Когда М.С. Горбачев выразил желание встретиться с участниками, те решили принять текст своего заявления до встречи с Президентом, чтобы избавить себя от возможного давления. Наконец, само заявление не содержит никаких политических призывов, но зато весьма четко отмежевывается от

212
196

тех "политических сил, которые желают сохранить прежнюю политическую систему практически неизменной". Более прямо в нем говорится о том, что "идеологические и политические средства, которыми руководствовалось наше государство в послереволюционный период, исчерпаны и не могут обеспечить достойную историческую перспективу для нашего общества" ("Известия" от 14.03.91 г.).

Наконец, 26 апреля Патриарх направляет в ВС СССР следующее заявление:

"По сообщению "Независимой газеты", выступая при обсуждении доклада Премьер-министра, народный депутат СССР Ю. Блохин заявил о том, что "необходимо шире привлекать возможности армии и духовенства для спасения народа и отечества". Из комментария "Независимой газеты" видно, что эти слова могут быть восприняты, как декларация о готовности использования Церкви в полицейских целях. Поэтому считаю необходимым заявить, что, во-первых, ни конкретное заявление депутата Блохина, ни сами перспективы того, что "Независимая газета" назвала "франкистской" политикой, не были обсуждаемы со мной. Я же еще 3 ноября 1990 года в "Российской газете" напоминал о том, что Церковь и веру нельзя использовать как дубинку. Видеть в извечном примиряющем служении Церкви некую политическую задействованность можно лишь в случае неразработанности духовного зрения, или цинизма. Я надеюсь, что духовного и человеческого такта достанет у политиков всех лагерей. У людей, единомышленных с Ю. Блохиным - для понимания того, что возрождение и укрепление духовности в нашем обществе не может быть введено в рамки политической кампании. А у их оппонентов из демократического стана - чтобы понять, что Церковь действительно не является "опиумом народа", (Российская газета, 9.05.91 г.).

273
197

В середине мая на Пленуме ЦК КП РСФСР раздается призыв С. Третьякова: "лопнет терпение народа - быть гражданской войне. Если случится такое, где будут коммунисты? Вопрос не праздный..." Патриарх в это время был в Сибири, но реакция его была немедленной: "В газетах сообщается, что на Пленуме Российской Компартии шли прямые призывы к гражданской войне - я думаю, это уже предел, до которого мы дошли. Гражданская война может принести лишь огромные беды и огромные потрясения" (Российская газета, 18 мая 1991 г.). Это было сказано в Исполкоме Новосибирска, где первый секретарь обкома - член ползковского Политбюро, и, вдобавок, как говорят, именно он - автор знаменитого призыва "пора выходить из окопов".

А накануне, выступая в Новосибирском Академгородке, Патриарх, говоря о соотношении рационально-научного и духовного путей познания мира, сказал: "как указывали русские религиозные мыслители, идея социализма как рационального, научного переконструирования всей человеческой и общественной жизни неизбежно должна была обернуться тотальной войной как против человеческой личности, так и против природы. Если человек воспринимается теорией как представитель некоего класса объектов - политики не замедлят сделать свои выводы относительно "винтиков", "приводных ремней" и "человеческого фактора". Грех - отказ другому человеку в праве на свободу, в праве на личностное бытие, и, если хотите, в праве на непонимание другого... В средние века Церковь сражалась с ересями, неправо учившими о Боге. В XX веке нам выпала борьба с ересями, кощунственно учащими о человеке. Я говорю сейчас о некоторых теориях, кото-

рые не желают видеть ни свободы человека, ни его духовности, ни его Богообразной способности к творчеству..." (Литературная Россия, 31.05.91 г.).

28 мая "Известия" просят Патриарха прокомментировать обращение "За сотрудничество конструктивных сил". "Для меня в этом обращении значимо прежде всего отмежевание от истории, психологии и тактики большевизма. По сути, признается вина социальных радикалов, и, в частности, большевиков, за провал и столыпинских реформ, и попыток Временного правительства предотвратить гражданскую войну". Касаясь же подозрений (или предложений) о политической блокировке Церкви, Патриарх напомнил, что "как недавно остроумно подметил филиппинский кардинал Син, как только Церковь вступает в "политический брак" с одной из политических сил, в следующем поколении она может остаться "вдовой".

В те же дни, в интервью журналу "Шпигель" Святейший говорит: "вера в коммунизм и вера во Христа - это совершенно разные стороны человеческого существования. Одна вера просто помогала не задумываться и жить без особых сложностей, вторая же требует личного выбора, постоянного подтверждения делами. Нам очень не хотелось бы, чтобы люди перенесли в Церковь идеологические и психологические комплексы, воспитанные материалистическим государством".

В том же интервью Патриарх отвергает подозрения в желании Православия стать государственной религией: "Только сейчас у нас появилась возможность всерьез задуматься о том,

какова вообще социальная этика христианства в обществе, которое считает себя светским. Есть попытки механически вернуться к прежней церковно-государственной "симфонии" через восстановление монархии - но это не решение той проблемы, которую я назвал. Нам надо исходить из того, что, хотим мы этого или нет, общество и государство стали необратимо светскими".

Итак, так ли услужлив Патриарх Алексей по отношению к государству, как это представляется, если судить не по его публикациям, а по публикациям о нем?

Да, могут сказать: "Одно дело-публикации, а другое - дела". Что же, поговорим о делах.

Вот, скажем, такие слова этого человека: "Закон об отделении Церкви от государства отнюдь не означает, что Церковь находится вне государства, а верующие люди - вне советского общества. Напротив, тысячами видимых и невидимых нитей Церковь связана с государством. И верующие нашей страны заняты практически во всех сферах экономической и социальной жизни. Одним словом, отделение Церкви от государства не исключает сотрудничества между ними и, даже более того, только при отделении и возможно подлинное сотрудничество. Церковь могла бы более активно и решительно бороться с различными пороками и болезнями в обществе, выступая за духовное и нравственное здоровье людей". Это - из письма Патриарха Алексея М.С. Горбачеву, и отправлено оно 17 декабря 1985 г. По сути, это письмо и есть тот толчок, с которого

началась перестройка в отношениях государства к Церкви. Оно дошло до адресата, и уже в 1986 г. началось сворачивание атеистической пропаганды, а если взглянуть шире – началась деидеологизация советского государственного строя. Алексей был тогда Управляющим делами Московской Патриархии, митрополитом Таллиннским. Ни с Патриархом Пименом, ни с Синодом, ни с Советом по делам религий митрополит Алексей свой шаг не обсуждал. Похоже, что это ему потом попомнили, отстранив от управления делами (это ключевой пост в Патриархии, особенно при больном Патриархе) и отправив в Ленинград.

Для характеристики митрополита Алексея стоит привести и еще один эпизод, описанный А. Собчаком в его автобиографической книге "Хождение во власть". Идет первый Съезд народных депутатов. Травля Сахарова. Выступает "афганец" Червонопинский. "Ни от кого здесь не прозвучало слово – коммунизм. Три слова, за которые, я считаю, всем миром нам надо бороться, я сегодня назову: это Держава, Родина, Коммунизм" (Аплодисменты, депутаты встают).

Далее А. Собчак пишет: В этот миг я ощутил, что некая мощная сила поднимает меня, выталкивает из депутатского кресла и заставляет встать вместе с залом. Я буквально вцепился в подлокотники и лишь успел бросить взгляд на своих соседей: слева академик Игорь Спасский, справа – митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. Втроем мы сумели усидеть, сумели не поддаться стадному инстинкту ярости и агрессии. Допускаю, что и

усидели-то мы на своих местах благодаря молитве будущего нашего Патриарха" (А. Собчак "Хождение во власть", с. 44-45).

Наконец нелишне напомнить, что на Патриарший престол был избран епископ, не допустивший в своей епархии (Эстонии) за все время своего архипастырства (с 1961 по 1990 гг.) административного закрытия ни одного храма, ^а количество монахинь в Пюхтицком монастыре в "годы застоя" увеличилось вдвое.

И, наконец, мнение отца Александра Меня, высказанное в его последнем интервью испанской журналистке Пилар Бонет: "Как вы оцениваете Патриарха Алексея? - Ну, он все-таки интеллигентный человек. Например, еще будучи митрополитом, он первый публично осудил советский неофашизм и антисемитизм. - Карловацкая церковь, это ведь правый уклон, а куда идти тем, кто ищет левый уклон? - Некуда. Оставаться в рамках Московской Патриархии (см. газета "Панорама" № 14, декабрь, 1990 г.). Узнав об убийстве отца Александра, Патриарх Алексей направил телеграмму соболезнования его общине. В ней, в частности, говорилось: "По человеческому разумению, казалось бы только сейчас и настало время, когда талант о. Александра как проповедника Слова Божия и воссоздателя подлинно общинной приходской жизни и мог раскрыться во всей своей полноте. Увы, сложилось иначе... В памяти людей и Церкви, верю, останется то немалое, что о. Александр реально сделал для них" (ЖМП, № 1, с. 46).

Из сегодняшних практических отношений Патриарха с государственными инстанциями можно обратить внимание на два случая, когда церковному возглавлению пришлось действовать явно в про-

тивовес желаниям этих инстанций.

Так, в сентябре Патриарх послал в Совет по делам религий письмо, в котором он уведомлял, что если Совет не отменит практику регистрации священников уполномоченными, то Патриарх сделает это сам, своим циркулярным письмом. Совет почел за лучшее, не дожидаясь циркуляра Патриарха, отменить регистрацию, ради введения которой чекистские уполномоченные так рьяно выкручивали руки митрополиту Петру, а затем митрополиту Сергию.

В январе Синод принял решение об открытии в Казахстане вместо одной – трех епархий. Президент Казахстана Назарбаев высказывает свое несогласие с укреплением позиций Православной Церкви в Казахстане. В ближайшее воскресенье после получения телеграммы из Алма-Аты в Патриаршем соборе тем не менее следует хиротония епископа Целиноградского и Чимкентского Варфоломея.

Наконец, для характеристики Патриарха Алексия как церковного политика невозможно пройти мимо главного деяния первого года его Патриаршества – дарования Украинской Церкви независимости в управлении; впрочем, убежденность в необходимости этого акта Патриарх вынашивал и высказывал еще до своего избрания. Поскольку этот факт показывает, какова цена обвинениям Патриарха во "властолюбии", приведем и его собственные слова о власти: "Мне вообще думается, что в той ситуации, которая сложилась в нашей стране, по-человечески естественно было бы бегать власти, бояться брать ее на себя" ("Известия" от 30.12.90 г.).

Стремясь смягчить национально-религиозные конфликты на Украине, Патриарх пошел и на такую уступку униатам, как отказ

от Львовского собора 1949 года (на этом соборе униатских священников уния была объявлена не существующей). В интервью ИА "Гамма" было сказано: "если униатская сторона своим соборным, подчеркиваю, соборным, голосом признает от ныне решения Львовского собора не имеющими силы – из этой же позиции будем исходить и мы в наших дальнейших отношениях с униатами".

Были ли в деятельности митрополита, а затем Патриарха Алексия ошибки и грехи? "Мы грешили", – признается он в интервью в "Литературной газете", – "ибо личное совершенство иногда приходится принести в жертву ради спасения других. Патриарх или митрополит, подставляющий под заведомый разгром свою паству, согрешил бы перед Богом, людьми, Россией больше, чем если бы он компромиссом заслонил Церковь. Это – больно. Но не может многомиллионная Церковь в тоталитарном государстве уйти в катакомбы. Но виноваты мы не перед народом. Ради него, ради возможности не уходить из реальной жизни сотни миллионов людей, иерархи Церкви брали грех на душу – грех молчания, грех неправды. И за него перед Богом мы калялись всегда".

В интервью "Комсомольской правде" – та же тема покаяния. "Приходилось говорить неправду, но как выжить в условиях тоталитаризма, если нет надежд на его распад?"

Наконец, в уже упомянутом интервью "Шпигелю" говорится: "если эти действия церковного возглавления, исходящие, еще раз повторяю, из желания блага Церкви и людям, причинили кому-то боль – то не только перед Богом, но и перед этими людьми я прошу у этих людей прощения, понимания и молитв".

220
204

В слове Патриарха на первом Всероссийском съезде православной молодежи (25 января 1991 г.) он, не претендуя на папскую непогрешимость, признается, что "неизбежны, увы, ошибки и в новом для меня патриаршем служении. Надеюсь, что ваш юношеский и неофитский максимализм не будет судить слишком строго".

А в интервью "Гамме" Патриарх сравнивает нашу Церковь, а, может, и себя, с человеком, "который только пытается встать после долгих и тяжких унижений и избиений. И трудно от него требовать красоты движений. Пусть косноязычно, но мы выполняем свой долг. И никто другой, кроме нас, его выполнить не сможет".

Но главное - можно ли не услышать крик, вырвавшийся из сердца Патриарха в Прощеное Воскресенье накануне Великого поста: "Простите меня, дорогие мои! Простите меня, возлюбленные мои! Простите меня, чада мои!" ("Российская газета", 19.02.91 г.).

ОТНОШЕНИЯ С ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ

Мы увидели, какова общественно зримая и значимая сторона служения Патриарха Алексия. Реальных поводов для конфликта с демократическим движением в этом служении, как видим, нет. Вопросы же, которые при малом знакомстве с предметом могут возникнуть у публициста, взявшегося писать на церковно-общественные темы, можно было бы преодолеть, привлекая для этого известный принцип демократического обсуждения: сомнения должно толковать в пользу обвиняемого; а обвиняемым в демократической прессе осени 1990 года - весны 1991 года оказался Патриарх Алексий.

В. Война в "Независимой газете" в статье "Отец Звездоний из РПЦ. Кто нас наставляет на путь истинный?" "отцом Звездонием" (персонаж романа Войновича) называет Патриарха Алексия. "РПЦ, совсем по Войновичу, продала Бога". Патриарху предъявляются обвинения в трусости, эгоизме, маловерии, в том, что он "безоговорочно исполняет заказы безбожной и бесчеловечной власти". Таков приговор. Свидетельства обвинения два: "письмо 53-х" и "Заявление" перед референдумом... Весомость этих обвинений мы уже разобрали. А какова компетентность и добросовестность обвиняющей стороны? О ней с предельно допустимой для себя ироничностью писал С.С. Аверинцев в своем письме в "Независимую газету" в связи со статьей В. Войны: "Трудно говорить о точности, если непреодолимая задача - назвать сан архиепископа. И все же точность необходима. Она абсолютно необходима, когда речь идет о фактах. Допустимо ли упоминать "печально знаменитое письмо президенту с требованием ввести режим твердой руки" не указывая на то, что Патриарх Московский и всея Руси Алексей II свою подпись под этим письмом дезавуировал? Допустимо ли игнорировать в разговоре на такие темы заявление Патриарха о моральной невозможности для него как главы Церкви занимать позицию в чисто политических вопросах, каков вопрос о союзном договоре ("Известия", 30.12.90 г.) и его же отклик на события в Вильнюсе? ("Известия", 15.01.91 г.). Возможно, В. Война распространяет свое неприятие и на эти документы. Но где у

него хоть единое слово, информирующее читателя о самом факте их существования?" ("Независимая газета", 18.04.91 г.).

Рассуждая о компетентности нынешней антицерковной публицистики можно привести еще и курьез из уже упомянутой статьи В. Бойцова ("Независимая газета" 5.02.91 г.). Беда Православия, по его мнению, в том, "что вселенское православие лишено (в отличие от католичества) единой главы, который своей властью и авторитетом ересиарха способен приструнить и народу Божию верный путь указать". Ересиарх – это глава ереси, и спутать его с патриархом – иерархом – можно лишь, будучи русским интеллигентом.

Да, для того, чтобы понять глубинные стереотипы отношения демократической интеллигенции к Церкви, необходимо обратиться к некоторым традиционным чертам мировосприятия русской интеллигенции – вопрос, к которому мы еще вернемся. Чтобы до конца понять, как в демократической прессе ведется обвинительный процесс против Патриарха, посмотрим, как толкуются сомнения. Были ли вообще сомнения у обвинителей Патриарха? Как ни странно, были. Статья Зои Крахмальниковой "Подпись Патриарха" в "Демократической России" (22.03.91 г.) так и начинается: "Внезапно по газетам демократического толка пронесся слух, что подписи не стало (подписи Патриарха под "письмом 53-х"). Она, как нам объявили, была дезавуирована. Патриарх Алексей не подтвердил слух о том, что он дезавуировал свою подпись под документом, призывающим М. Горбачева сохранить установленный в нашем общест-

ве общественный строй".

Начать с того, что Патриарх Алексий никогда не подтверждал того, что он подписывал это письмо. У лиц, уполномоченных Патриархом лично представлять его в отношениях с прессой (как, например, игумен Иоанн Экономцев), можно было с самого начала истории с "письмом" узнать о том, как все же обстоит дело. Но в таком случае трудно, конечно, было бы строить всю статью на утверждении, что "Патриарх поддерживает власть партократии".

И еще одно соображение полезно было бы рассмотреть. Ни одна из публикаций, в которых Патриарх порицается как один из "53-х", не обращена к нему лично. Никто из публицистов не пожелал попросить разъяснений — гласно! — в Патриархии. Демократия вовсе не должна отменять общепринятых правил общения: хочешь получить ответ — задай вопрос. Соответствует ли элементарной этике, на которую вправе рассчитывать любой гражданин, доброе имя которого задевается публично, принцип "мое дело было сказать — а вы уж там отмывайтесь"?

Но сомнения отбрасываются, а факты, идущие вразрез с программной установкой, просто не воспринимаются; — значит, есть воля к обличению, есть глубинная и личностная заинтересованность в критике Церкви, и эта заинтересованность провоцируется отнюдь не сиюминутным политическим контекстом и не реальным "поведением" объекта этой критики. В ней, используя любые поводы, лишь реализует себя определенная глубинная потребность в противостоянии Церкви.

224
208

Что же это за потребность? Это – потребность сохранить верность некоему "Ордену интеллигенции" с присущими ему чертами мироотношения. Это мироотношение глубоко проанализировано в сборниках "Вехи" и "Из глубины", в последующих работах соавторов этих сборников, а также и Георгия Федотова (в его "Трагедии Русской интеллигенции"). "Обстоятельства времени, места и образа действий" не позволяют в этой работе воспроизводить все сказанное лучшими русскими интеллигентами "о себе самех". Приведем лишь слова С. Булгакова: "На русской интеллигенции лежит страшная и несмываемая вина гонения на церковь, осуществляемого молчаливым презрением, пассивным бойкотом, всей той атмосферой высокомерного равнодушия, которой она окружила церковь. Исповедывать веру в атмосфере интеллигентского шипа, глухих смешков, снисходительного пренебрежения – это хуже большевизма" ("На пиру богов"). П.Б. Струве в "Вехах" и П. Новгородцев в "Из глубины" указывают как на основное свойство интеллигентского сознания на его "Безрелигиозное отщепенство от государства". "Погруженная в свои теоретические мечты и разногласия, она (интеллигенция) жила в своем интеллигентском скиту, и когда пришло время действовать, ответственность пред своим скитом, пред своими теориями и догматами она поставила выше своей ответственности пред государством, пред национальными задачами страны".

Этот же комплекс "беспочвенности" (Г. Федотов), уклонения от реального дела кропотливого государственного и национального строительства и провоцирует всплеск негодования при виде того, как Церковь пытается найти общий язык с государством, пыта-

ется худой мир противопоставить "доброй ссоре" и по мере сил старается сохранить остатки социального "космоса" перед вызываемым "хаосом".

Идеологический утопизм – давно отмеченная черта "демократического движения в России" (наиболее глубокий ее анализ, пожалуй, дан в сборнике статей С.Л. Франка "По ту сторону правого и левого"). И на фоне требований "здесь и сейчас! "Долой!" и "Даешь!" неизменно скучным кажется спокойный и трезвый голос Патриарха: "Нам предстоит поистине молекулярная работа по освящению и христианизации мира, что, собственно, и является делом церкви в веках" ("Российская газета", 3.II.90 г.).

Потому Первое обвинение Церкви со стороны демократов – Церковь не активна. При этом, с одной стороны, утверждается что Церковь должна быть вне политики (это когда нужно уличить Церковь в союзе с властью), а когда Церковь четко отграничивается от всякой партийной позиции – в том числе и демократов, не желая, по слову Патриарха "оглядываться ни направо, ни налево" ("Комсомольская правда", 6.04.91 г.), – ее обвиняют во внепартийности. Но "партия" – это по значению лишь "часть", поэтому Патриарх пишет: "я хочу напомнить, что Церковь объединяет всех, кто ищет духовного преобразования на пути следования за Христом. Именно – всех. Для нас недопустимо было бы экзаменовать входящих к нам людей на предмет их политических взглядов. Но столь же недопустимо раскалывать единство Церкви на основании политических или национальных предпочтений. Среди верующих моей Церкви есть сторонники единства и неделимости нашего Союза, а есть и те, кто полагает, что предложенный союзный договор ущемляет их права. Как человеку, мне лично может быть близка одна из этих

позиций. Но как Патриарху, как пастырю, мне одинаково дороги и близки судьбы всех. И мне предстоит дать ответ пред Богом за всех, предстоит ответить, не оттолкнул ли я кого из них от Церкви и от Христа. "Для иудеев я был как иудей, для подзаконных как подзаконный:... для всех я стал всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых" (I Кор. 9. 19-22)".

Помимо манихейского страха соприкосновения с государственностью, а также помимо обиды за надпартийность Церкви, отношение к ней демократической интеллигенции определяется еще и тем, что проблемы национального самоосознания и наследия чрезвычайно политизированы в сегодняшней полемике. Всякий раз, когда Патриарх или священники говорят о России, о русском, о национальном возрождении Руси - интеллигенции в лучшем случае кажется, что они допустили бестактность, заговорив на табуированную тему, в худшем - в них видят агентов "Памяти".

Патриарх действительно неравнодушен к судьбам России; это мы покажем позднее. О том же, что нет никакого греха в разговоре о национальном достоинстве и национальной особенности России, и нет никакой добродетели в замалчивании своих культурно-национальных истоков, можно судить и на основании тех же "Веховских" сборников.

Но представьте, что в "Литературной России" (или, скажем, в "Московском Церковном вестнике") появились такие слова: "На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных храмов, мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял и требовал величие для

*ее будущего, чтобы
лучше было —*

Митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суво-
рова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимо-
ва, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян,
богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно
умиравших за Россию, были для тебя святынями... Жизненное дело
нашего времени и грядущих поколений должно быть творимо под зна-
менем и во имя нации"? Это - не антисемит и не славянофил. Это -
Петр Струве ("Исторический смысл русской революции и наши задачи")

Кроме того, есть и такая интеллигентская черта, о которой
Патриарх в своем обращении к Православной молодежи сказал: "Пом-
ните, что мы составляем единое тело. У каждого органа свои бо-
лезни. Но скорбеть о них нам надо вместе. А поскольку большин-
ство из вас - выходцы из Российской интеллигенции, я прошу вас
не переносить в лоно Церкви привычку интеллигенции мыслить в
категориях "мы" и "они", где под "мы" понимается некое умное,
но бесправное меньшинство, а под "они" - косные и тупые "влас-
ти". ...Вам, желающим трудиться в Церкви, я хочу напомнить сло-
ва о. Александра Шлемана, сказанные им о религиозном обращении
русской интеллигенции в начале века: "рускай подсознательно, на
глубине души, но русский интеллигент убежден, что он нужнее
Церкви, чем она ему, и потому, едва переступив ее порог, он на-
чинает не столько спасаться в ней, сколько спасать ее"... И,
наконец, "слишком соблазнительно свести жизнь Церкви к действи-
ям ее администрации. И многие предпочитают смотреть на Церковь

именно такими глазами, видя в ней некий этнографический колорит, суеверия старушек да властолюбие иерархов. Почему же многие люди избирают такой взгляд? да потому, что так проще – ведь если у Церкви нет тайны, значит, она не несет в себе вечный вызов Евангелия, и человек тогда не входит в ситуацию выбора, а, значит, и совесть не беспокоит его. Посторонний и холодный взгляд не заметит в жизни Церкви ничего, кроме игры человеческих и политических страстей. И разве что подивится "умению церковников при-спасабливать свои древние догматы к любой современной ситуации". (Выступление 25 января на съезде молодежи).

Что же касается "властолюбия иерархов", то нелишне напомнить, что православное молодежное движение, как и создание осенью 1990 г. "Союза православных братств", призваны на деле помочь реализации решений Собора 1917–1918 гг., и открыть мирянам дорогу к активному участию в церковной жизни.

На непонимание интеллигенцией хода церковной жизни влияет и то, что она переносит в Церковь свой принцип априорной неправоты "властей" и, кроме того, стремится к максимальному обособлению каждого, и ей непонятно стремление Церкви к единству. Размежевания и обособления – несомненный плюс в ее глазах,⁴ и несомненный минус в глазах Церкви.

Вообще различие аксиологии религиозной и гуманистической – это непростая и болезненная тема, и нам предстоит серьезный разговор о том, где, в чем и почему христианские ценности не вписываются в кодекс ценностей, провозглашенных "общечеловеческими". Во всяком случае гуманизм, провозглашает отдельного человека в его нынешнем состоянии, в соответствии с кантовским императивом, абсолютной ценностью (другой вопрос, придерживаются ли на этого императива демократические политики на деле). Христианство же, признавая бесконечную ценность человеческой души, полагает, однако, что эту свою ценность человек реализует лишь в прехождении себя, в самопожертвовании, в отказе от своей абсо-

лютности и в отдании себя служению. "Неужели может забыть христианин, — пишет Патриарх, — что "суверенен" для меня только мой ближний. В ближнем — полус всех "прав", а во мне — полус всех "обязанностей". Или у меня есть "права" перед моей совестью? перед Богом?" .

Итак, там, где интеллигент привычно ставит вопрос о "правах", Церковь говорит прежде всего о долге. Нельзя сказать, что это расхождение непреодолимо, но оно есть, и если его не замечать, ^{оно} может вновь и вновь порождать взаимонепонимание и конфликты.

Отметим, кстати, что эти расхождения были отмечены и в заявлении религиозно-философского общества "Открытое христианство", сделанном на международной конференции "Христианство и общество" в мае 1990 г. в Ленинграде: "Сближение Церкви и демократических сил сегодня связано с особым положением, когда Церковь и демократия вместе теснимы государственной властью. С изменением этого положения противоречие между церковной и демократической политикой будет обнажаться. По существу не решен вопрос о православной оценке демократических идеалов. Опираясь на выдвинутые вперед требования благополучия человека в земной жизни, они могут подвергаться сомнению со стороны церковного сознания. Вместе с этим непросто согласовать церковный и демократический идеалы человеческой свободы, достоинства личности, прав человека". Люди, заявившие это, отнюдь не "фундаменталисты". Абзацем раньше в своем заявлении они выражают тревогу о том, что будет, если "грязь будет внесена в церковные

источники, если восстановится грубый альянс церкви и государственной власти, если церковь позволит, чтобы властители или националисты напяливали на себя ее одеяние".

Проблема аксиологических расхождений действительно реальна. Подозрительность интеллигенции питается и сдержанным отношением Церкви к идее "общевропейского дома", в котором, как постоянно намекают нам, должна быть общая же и религия. Поддерживая "карловацкий раскол", который обвиняет Патриархию в экуменизме, демократическая интеллигенция в то же время "обличает" ее за отказ от экуменического слияния с западными конфессиями. В конце концов, постоянно отпуская колкости в адрес Церкви, помещая просто кощунственные афоризмы и карикатуры (чего никогда не позволяют себе, кстати, патриотические издания), изыскивая в церковной жизни темные стороны (или при необходимости придумывая их) демократическая пресса даже у самых аполитичных верующих и священников формирует подспудное ощущение, что ничего хорошего для церкви от демократов ждать нельзя; тем самым демократическая пресса объективно сама сталкивает церковных людей вправо.

Особенно тяжелы в этом отношении нападки на Патриарха и епископат. Ведь верующий человек относится к Патриарху совершенно не так, как член партии - к генсеку. Патриарх - не абстрактный "лидер", а живой объект молитвенной заботы каждого верующего. Ежедневно в самые возвышенные минуты богослужения в храмах возносится моление о Патриархе. Что же должен чувствовать верующий, видя нападки на предстоятеля Церкви? Либо идти на

разлад с совестью, молясь за человека, никаких теплых чувств к которому он не испытывает; либо отречься ради политического комфорта от Патриарха и, соответственно, церковности; либо - ради сохранения своего духовного мира отвергать нападки прессы и тем самым занять позицию внутреннего противостояния демократическим изданиям. Большинство верующих избирают, несомненно третий путь.

Русская интеллигенция никогда не отличалась политическим реализмом. Но неужели хоть в этом случае трудно понять результаты того, что честный верующий человек будет поставлен перед выбором: или не ходить в храм, или не читать демпрессу. Неужели трудно понять, на какую изоляцию обрекает себя в этом случае демдвижение? И если бы только себя! Однажды то, что интеллигенция и Церковь не смогли найти общий язык привело уже Россию к катастрофе. Что же, все сначала?

Интеллигентские представления о России раскрывают свои иллюзорность в поддержке демократами церковного раскола. Неужели еще непонятно, что идейные конфликты, которые Западом переносятся как легкий насморк, в России могут привести к летальному исходу - ибо здесь все, связанное с конечным смыслом и оправданием жизни, воспринимается предельно серьезно. Расхождение, из-за которого на Западе в худшем случае перестают здороваться, у нас ведет к иным последствиям. Пока есть одна Церковь в Америке, а другая в России, это - не раскол. Это лишь отчужденность. Но когда на двух улицах появляются храмы, в которых главным предметом проповеди становится разъяснение того, почему нельзя хо-

доть в соседний храм – это уже раскол. А в России раскол – это всегда Раскол с большой буквы... Невежественность интеллигенции в сфере духовной жизни сказывается и в непонимании всей серьезности и трагичности того, что стоит за понятием "церковного прещения", за разрывом евхаристического общения. И чем, кроме неосведомленности, можно объяснить то, что демократы поддерживают "карловчан" – крайне правую и жесткую линию Православия? Именно из-за жесткости их позиции русская эмиграция раскололась еще в 20-е годы, – и ни один крупный русский философ, писатель или богослов за карловчанами не пошел. Именно о тех, кого превозносит свободолобивая демократическая пресса, сказаны горькие слова Бердяева: "драгоценным даром свободы слова эмигрантские правые круги очень плохо воспользовались, они создали и на свободе застенки, удушающий всякую свободу мысли". Это из статьи Бердяева в поддержку "Декларации" митрополита Сергия (Наука и религия 1991 г. № 4, с. 7).

Замечательно также, что согласно информации "Курантов" ("Лекарство от головной боли, 28 мая), карловчане (Зарубежная Церковь) наряду с абстрактными симпатиями интеллигентов обрели и весьма весомую административную поддержку С.П. Горячевой.

Ошибки, передергивания и кощунство демпрессы верующих читателей, конечно, отнюдь не радуют. Церковь желает единства церковной и светской культуры. По наблюдению Никиты Струве, знаком начавшегося обновления церковной жизни в России признаком новой позиции Патриархии стало Слово, сказанное Патриархом Алек-

233
217

сием 23 сентября в "день Москвы". (см. Вестник РХД, № 159). В нем говорится: "тысячи лет христианского воспитания народа не могли исчезнуть бесследно. Даже светская культура прошлого, основанная на христианских ценностях, была залогом будущего духовного возрождения. Когда в начале 30-х годов в официальную советскую культуру вернулся Пушкин, один проницательный мыслитель заметил, что с Пушкиным вернется в Советский Союз гуманизм, вместе с общечеловеческими ценностями гуманизма – его христианская основа и, наконец, сама вера Христова. Да, тысячи наших соотечественников могут засвидетельствовать, что их путь к Церкви начался с познания христианского духа русской классики" (ЖМП 1991, № I, стр. 15).

Демократы полагают, что за ними стоит народ. При этом как-то небрежно обходится вопрос: а православные христиане к народу принадлежат, или же "народ" демократов – это некое религиозно-стерильное сообщество? Из контекста ряда дем.оппонентов Патриарха следует скорее второе; но тогда этот "народ" – просто фантом, шаткое интеллектуальное построение.

Как Патриарх может повести себя в случае, если радикализация "левых" (как, впрочем, и националистов) станет представлять реальную угрозу для сохранения двух прав человека, которые он назвал фундаментальными – "права на жизнь", и "права на ^{ду-}ховность" ("Ответы на вопросы университета Северной Каролины")? ^{какова,} Иными словами, – ^{какова,} будет его реакция, если ситуация в России пойдет по кавказскому образцу?

234
218

В письме в "Комсомольскую правду" по поводу необычного указа Грузинского Патриарха Алексий II говорит: "Как я полагаю, этот указ Грузинского Патриарха был задуман как средство (как крайнее для Церкви средство), чтобы остановить сползание к гражданской войне... Этот шаг Грузинского Патриарха стоит в том же ряду, что и поступок, совершенный еще ранее Патриархом всех армян Вазгеном I, который в момент высшего напряжения в республике пригрозил, что если армяне будут и впредь слушать голос страстей, а не разума, он, Патриарх, даст обет молчания: раз народ не желает слушать голос своего Патриарха - Патриарх не будет более к нему обращаться. Были времена, когда долгом Патриарха было говорить горькие слова в лицо правителям. Теперь, кажется приходят времена, когда еще более горькие слова надо говорить в лицо своему народу".

Какой бы политической стороне ни принадлежал человек - Патриарх считает, что в решающих ситуациях "надлежит прежде всего вспомнить о своей верности Христу, и, отбросив партийные и политические предпочтения и даже обязательства, в одиночку (если нет духовного отца), перед судом своей христианской совести решить вопрос о степени соответствия своих предстоящих дел духу Евангелия и Православия" ("Советская Россия", II.01.91).

Итак, партийная одержимость неприемлема ни с какой стороны. И Патриарх не намерен, судя по всему, поступаться независимостью Церкви даже перед лицом раздражения демократов, вызванного ее аполитичностью. Но пока Патриарх ^{не} отвечает какими-либо враждебными действиями на объявление ему войны со стороны демпрессы

233
219

(по крайней мере ее мосссоветовской части). "Для всех я стал всем, чтобы спасти хотя бы некоторых"...

Церковь ждет диалога с интеллигенцией. "Вызовы сегодняшнего дня Церковь преодолет лишь в случае союза с мыслящими силами России, в случае воссоединения с интеллигенцией... Дерзну сказать, что во многом от того, во что выльются наши отношения, зависят судьбы России. Поймет ли российский интеллигент, что Православие - не только прошлое, но и будущее России? Или он, едва переступив порог храма, и еще даже не оглядевшись в нем, начнет утверждать, что путь в "общеевропейский дом" лежит через принятие западного христианства?" ("Литературная Россия", 31.05.91).
Условия диалога высказаны С.С. Аверинцевым: "Я полагаю, что чем болезненней проблема, тем больше точности, осмотрительности, серьезности, требуется при ее обсуждении". ("Независимая газета", 18.04.91).

Еще одна предпосылка диалога высказана в просьбе Патриарха Алексия к о. Глебу Якунину "попробовать лучше понять грань между миром и Церковью, ту грань, за которой перенос законов политической или рыночной борьбы в церковную жизнь становится разрушительным. Прежде всего - для духовного облика того человека, который слишком механически пытается строить и понимать церковную жизнь" ("Советская Россия", 11.01.91).